

Датский соратник П. А. Столыпина

В многовековой истории человечества нередкими были случаи, когда искатели приключений и предприимчивая молодёжь, не имевшая реальных возможностей реализоваться на родине и стремившаяся сделать карьеру, отправлялась в Россию. В среде иммигрантов были представители разных народов, и многие из них оставили в истории России заметный след. Из устремившихся на восток датчан таковыми оказались, например, Витус Беринг — известный мореплаватель, Йохан Кристиан Даль — главный врач Черноморского флота, отец будущего автора толкового словаря Владимира Даля. Дстойное место среди известных «русских датчан» занимает и Карл Андреас Кофод, проведший 50 лет своей жизни в России и посвятивший себя активному участию в проведении столыпинской аграрной реформы. Псковским краеведам, да и возможно читателям, он может быть интересен тем, что определённая часть его жизни и деятельности связана с Псковской губернией.

В 1878 г., в возрасте 23 лет и с дипломом выпускника Сельскохозяйственной академии молодой датчанин приехал в Россию. Сам он объяснял переезд тем, что «им овладело стремление вырваться в широкий мир, столь характерное для юных северян»¹. Способствовало этому и случайное стечение обстоятельств. В своей книге «50 лет в России» Кофод писал: «Двое из моих сотоварищей ещё до моего приезда из Дании купили имение, отделявшееся от другого имения, Перекаля, расположенного вблизи древнего, много раз упоминавшегося в связи с последней мировой войной городка Великие Луки ...»². Здесь на некоторое время и поселился Кофод.

Когда Кофод отправлялся в Россию, он не знал ни одного слова по-русски, но в вышеназванной книге вспоминал, с каким усердием взялся за изучение русского языка, вставая в 4 часа утра для занятий. В резуль-

тате русский язык он выучил так, что в дальнейшем писал на нём научные труды.

В Россию он приехал как Карл Андреас Кофод, а через некоторое время стал Андреем Андреевичем Кофодом (с ударением на последнем слоге). Переименовал его, как вспоминал Кофод, местный крестьянин, посчитав, что Карл — это совсем не христианское имя, а с учётом, что у него было ещё одно имя — Андреас, дал имя Андрей и такое же отчество.

В 1887 г. Кофод женился на сестре своего русского друга, дочери местного помещика Елизавете Обьедковой. Старшая сестра его жены была замужем за председателем губернской земской управы, каковым в то время был Алексей Михайлович Неклюдов³. Это родство впоследствии помогало ему в проведении аграрной реформы на Псковщине, о чём Кофод вспоминал: «И ещё в одной губернии, Псковской, обеспечил я себе покровительство. Там мой свояк, женатый на старшей сестре моей жены, был тогда председателем губернской земской управы и, таким образом, вторым после губернатора человеком в губернии»⁴. Автор несколько преувеличивает, назвав председателя губернской земской управы вторым человеком после губернатора, но в его практической работе это родство, конечно, имело значение. В 1892 г., в год рождения дочери, Кофод получил российское гражданство⁵. Его служебная карьера начиналась с должности младшего оценщика в Дворянском земельном банке, а закончил он её в чине статского советника, что соответствовало V классу Табеля о рангах⁶.

Направляясь в Россию, Кофод заранее не имел каких-либо планов относительно участия в аграрных преобразованиях. Отправным пунктом в работе по разверстанию (т. е. разделе более целесообразным способом, чем ранее) земель послужило его знание результатов подобного мероприятия в Дании. Целью его деятельности в России, если изло-

Лещиков Валерий Николаевич — профессор кафедры отечественной истории и музеологии ПсковГУ.

* Полный список должностей, занимаемых Кофодом в России, публикуется в примечании.

жить кратко, был передел принадлежавшей каждой деревне земли так, чтобы каждый двор получил весь свой надел в одном куске, имеющим более удобную, компактную форму. При этом нужно было стремиться к тому, чтобы как можно большее число дворов выселилось из деревни на свои новые участки. Таковы были идеи молодого датчанина. Кофоду было известно, что главной формой крестьянского землевладения в России была общинная, поэтому, считал он, нужно было досконально изучить сущность общины среди крестьян русской национальности и найти жизнеспособные примеры уже удачно проведенного разверстания. Только через конкретные примеры, видимые доказательства можно было убедить крестьян, что другая форма хозяйствования лучше общины. «Я уже знал, что фантазия русского крестьянина — это особая статья, — писал Кофод. — Нет никаких границ тому, что он может изобрести. Страннейшие вещи может он придумать и — осуществить, не затрудняя ни общественность, ни начальство сообщением об этом. Поэтому, думал я, было бы странно, если бы крестьяне той или иной деревни в этой большой стране не досадовали на то, что их земли разбросаны клочками и кусками по всем полям. А если же такие деревни есть, то я, конечно, найду их. И я действительно нашёл их, но только через 21 год»⁷.

Первые примеры крестьянской инициативы Кофод нашёл в Могилёвской, Витебской и Смоленской губерниях. А истоки хуторского расселения начались за границей, в немецких землях. В Курляндии и южной половине Лифляндии хуторское хозяйство существовало испокон века. Латышские и эстонские переселенцы знакомили белорусских крестьян и жителей соседней Псковской губернии с жизнью хуторян. Латыши и эстонцы, покупая землю на Псковщине, традиционно устраивались жить на хуторах.

«О том, что крестьяне в Псковской губернии тоже начали развёрстываться, я ничего определённого не знал, но некоторые обстоятельства говорили о том, что что-то такое там могло происходить, — продолжает Кофод. — Например, то, что эта губерния граничила с Витебской, где, как мне было известно, возникло несколько отдельных райо-

нов разверстаний. Поэтому на обратном пути из С.-Петербурга в Могилёв я решил ехать через Псков, где мне легко было уладить всё так, чтобы я мог спокойно ездить по губернии, если позднее это окажется необходимым»⁸.

Вскоре Кофоду представился случай познакомиться с конкретным примером в Псковской губернии, где крестьяне уже в 1904 г. начали развёрстываться, не дожидаясь вмешательства властей. Объезжая деревни одного из уездов Псковщины, Кофод познакомился с крестьянином, по походке которого определил, что он хуторянин, и писал об этом так:

«Мы поравнялись с мужиком.

- Откуда ты?

- Из Ивановки.

- Вы разверстались?

- Да, наша деревня разверсталась одной из первых, и я переселился на хутор.

Когда он узнал, кто мы такие, он начал рассказывать, как он обосновался там у себя. Мы обязательно должны заехать посмотреть его хозяйство. Делать нечего — мы посадили его на козлы и покатали к его маленькому владению, а он без остановки рассказывал нам, что он уже сделал и что планирует сделать в будущем»⁹.

Один из исследователей столыпинской аграрной реформы, советский историк С. М. Сидельников в своей работе «Аграрная политика самодержавия в период империализма» писал: «В Северо-Западном районе община ещё до реформы существенно разложилась. Правом укрепления наделов в собственность здесь воспользовались почти 23 % дворов, к участковому землевладению перешло 16,6 % домохозяев. Укрепивших наделы больше было в Псковской губернии — 35,8 %»¹⁰.

Изучив первый опыт самостоятельного развёрстания земель в западных областях, собрав необходимые данные, Кофод в 1903 г. написал статью «О развёрстании крестьянских земель в России», которая была опубликована в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» и вызвала сенсацию. В марте 1904 г. он выступил в отделении статистики Русского географического общества с докладом «Опыт самостоятельного перехода крестьян к хозяйству на отрубных участках наделной земли», в котором одним из первых

обратил внимание на факты добровольного выхода крестьян из общины на хутора, оценив их как явление общегосударственного значения. В 1905 г. он написал монографию «Крестьянские хутора на надельной земле», изданную за государственный счёт. Этот труд он считал главным в своей жизни. Имя Кофода стало широко известным в России. Эти и другие работы во многом определили практическую программу деятельности землеустроительных комиссий. Кофод вошёл в число основных организаторов аграрной реформы, стал расти по служебной лестнице. Однако нередко Кофоду приходилось отстаивать свои идеи практически в одиночку, часто на собственные средства. Противники его идеи даже сложили про него куплет, о чём он сам свидетельствовал: «Кофод, Кофод морочит народ. Вот как я воспринимался с моим разверстанием»¹¹

17 марта 1906 г. вышел указ о создании землеустроительных комиссий, главной целью которых являлось регулирование разделения огромных площадей, выкупленных Крестьянским банком, содействие переселению крестьян на казённые земли и улучшению условий земледелия, посредничество в разверстании череполосных угодий. Наказом Комитета по землеустроительным делам от 19 сентября 1906 г. всем комиссиям отводилась лишь роль посредников и исполнителей добровольных соглашений сторон, владеющих надельной землёй. Первые уездные землеустроительные комиссии были открыты в июне-декабре 1906 г. в 184 уездах 33 губерний, а позднее они действовали уже в 463 уездах 47 губерний¹². Первые губернские комиссии появились в 1907 г. Псковская землеустроительная комиссия тоже была образована в 1907 г., а возглавлял ее губернатор (Комиссия существовала до 1917 г.)¹³. Уездные комиссии возглавляли уездные предводители дворянства, а губернские — губернаторы. Координация деятельности землеустроительных комиссий и разработка нормативно-правовой базы их деятельности осуществлялась комитетом по землеустроительным делам. Об открытии деятельности комитета публично было объявлено 9 мая 1906 г.

Кофод непосредственно соприкоснулся с П. А. Столыпиным только в октябре 1906 г.

на совещании сторонников преобразований деревни. Совещание проводилось с целью подготовки как чиновников, так и сельского населения к началу запланированной аграрной реформы. Вот как об этом вспоминает Кофод: «Нам было велено явиться без пяти минут девять (вечера). Мы собрались в небольшом зале между кабинетом Столыпина и залом заседаний. В углу стояли английские часы. Когда они пробили первый из девяти ударов, к нам вошёл Столыпин, быстро обошёл нас, пожав каждому руку, и направился в зал заседаний. Когда последний из нас вошёл туда, дверь заперли. Если кто опоздал, он вынужден был оставаться снаружи.

Таким образом Столыпин приучал русских высокопоставленных чиновников не опаздывать, а они действительно нуждались в этом». Заканчивая совещание он сказал, «что мы представляем цвет русской интеллигенции и что он не смог бы найти других более подходящих кандидатур для выполнения возложенной на нас миссии ... Под конец он назвал нас генералами землеустройства». После произнесённой речи Столыпин проинструктировал собравшихся¹⁴.

Руководство землеустроительными комиссиями осуществляли временные уполномоченные Комитета по землеустроительным делам и других центральных ведомств, командированные на места Советом Министров. Группы состояли из 3–4 человек, за которыми были закреплены соответствующие губернии. Псковская, Витебская, Могилёвская и Курская губернии были закреплены за С. А. Куколь-Яснопольским, Н. Н. Куприяновым и А. А. Кофодом. Втроём они посетили в этих губерниях 23 уезда¹⁵. Задачи командированных правительством особых уполномоченных лиц на местах были следующие: в уездах и губерниях, в соответствующих комиссиях быть в качестве инструкторов; выяснить отношение к комиссиям населения; оказать содействие в правильной совместной деятельности комиссий и отделений Крестьянского банка; возникшие вопросы частично разрешить, насколько возможно, другие зарегистрировать для обсуждения их в Комитете по делам землеустройства; пропагандировать среди крестьян цель реформы; собирать данные об экономическом по-

ложении крестьян и по вопросу хуторского расселения.

Вскоре последовала самая важная мера в аграрной реформе: 9 ноября 1906 г. был издан Указ о раскрепощении общины, т. е. каждый крестьянин получил право свободного выхода из общины вместе со своим земельным наделом и закрепления его в личную собственность.

Командированным лицам предстояло разъехаться по своим губерниям. «В губернском городе Пскове нас встретили довольно холодно, — вспоминает Кофод. — Главная газета города назвала нас «наёмными генералами». В противоположность приёму в губернском городе, не особенно доброжелательному, мы встретили большое понимание среди крестьян в Великолукском уезде, где жил старший брат моей жены»¹⁶.

В отчёте действительного статского советника С. А. Куколь-Яснопольского и статского советника Н. Н. Куприянова от 12 февраля 1907 г. Псковская губерния представлена лишь отдельными эпизодами, однако по ним можно судить о вялотекущей работе землеустроительных комиссий, а в некоторых уездах о полном её отсутствии. В Великолукском уезде, например, комиссия была «открыта» лишь в день прибытия командированных, а в Опочечком уезде она временно прекратила свою работу. «При нынешнем составе (комиссии — *Авт.*) не подаются уже надежды комиссии Псковская ...», — отметили чиновники, а далее перечисляли уезды других губерний. С положительной стороны была отмечена лишь работа Холмской уездной комиссии¹⁷.

Революционные события 1905–1907 гг. оказали большое влияние на настроения крестьян и многих местных чиновников. «Наступившее в России в последней четверти 1905 г. и продержавшееся ещё в течение части минувшего года смутное время вконец обессилило земских начальников, очень умалило их авторитет в глазах крестьянского населения, — подчёркивалось в отчёте. — Институт этот производит впечатление нежизненного, и большинство земских начальников в момент прибытия командированных лиц было убеждено в предстоя-

щем упразднении своей должности, что отнимало у многих остаток энергии и желания работать»¹⁸. Далее авторы отмечали, что в большинстве посещённых уездов сельское население «очень притихло» по сравнению со «смутным переломом» и потеряло надежду на даровое наделение из земель частновладельческих. Вместе с тем часть сельского населения не отказалась ещё от заманчивых мечтаний дополнительного наделения «до размеров десятков десятин на двор ...». Притязания «на помещичьи земли ещё громко крестьянами заявляются; относительно большая нервность крестьян замечается ... в Опочечком уезде». Порховская уездная комиссия жаловалась на равнодушие к ним крестьян. Причины этого авторы отчёта видели в бездействии самой комиссии. В упоминавшемся уже (не с лучшей стороны) Опочечком уезде секретарь земской управы пытался восстановить крестьян против командированных, проведя тайное собеседование с крестьянами в здании управы, однако одному из командированных удалось парализовать негативное настроение крестьян¹⁹.

Благополучнее обстояли дела в Псковском отделении Крестьянского банка, который активно работал с населением. Управляющий этим отделением хорошо знал своё дело, но с новыми «директивами» в аграрной политике ещё не освоился. Однако и у него были проблемы. Они заключались в натянутых отношениях с неперменным членом Холмской уездной комиссии фон Цур-Миленом, с исполняющим должность островского предводителя дворянства Беклешовым, который «формально объявил войну отделению»²⁰.

Более полный и обстоятельный анализ работы уездных комиссий Псковской губернии был представлен в приложении к отчёту.

На наш взгляд, данный документ представляет несомненный интерес для исследователей аграрной темы, кроме того, насколько нам известно, его нет в фондах Государственного архива Псковской области, поэтому приведём отчёт полностью. Не помешает познакомиться на его страницах и с характеристикой некоторых персон губернии.

Молодой К. А. Кофод в русской косоворотке по приезде в Россию осенью 1878 г.

Государственный советник А. А. Кофод в 1908 г. в возрасте 53-х лет

Семья Кофода. Кофод А. А., его жена Елизавета Кофод (урождённая Обьедкова) и дочь Поля

*«Приложение к отчёту
о посещении по делам землеустроительных
комиссий особо командированными лицами
губерний Псковской, Витебской,
Могилёвской и Курской
Псковская губерния*

Псковская комиссия. Председатель Карамышев — старый предводитель дворянства, в дела вникать не способен, мало что знает, для комиссии не рабочая сила. Председатель Псковской уездной земской управы Назимов — для комиссии совершенное ничтожество. Непременный член Крейтер — бывший земский начальник, отличавшийся ленью и нерадивостью по службе; слишком многочисленные досуги свои Крейтер посвящал тому, что «баб и девок шупал, как кур», по выражению крестьян. В нём не видно даже проблеска интереса к ныне вверенному ему делу. Трое выборных от крестьян — понятливые, рассудительные. От земства избраны тоже двое крестьян, из коих один — ловкий, умный, в бытность волостным старшиною имел большое влияние, другой — менее бойкий. Третий член от земства — владелец тысячи десятин, по развитию ближе подходит к крестьянам, отец его был кулаком и ростовщиком, но сын не таков. Уездный член окружного суда и двое присутствовавших в заседании комиссии с участием командированных лиц земских начальников произвели впечатление полной бесполезности для дела. Комиссия эта, лишённая руководителя, недееспособна.

Порховская комиссия. Председатель — предводитель дворянства Пипин — в уезде живёт мало и для дела полный нуль. Председатель земской управы не деловой человек. Единственная рабочая сила комиссии — непременный член её Зарин, бывший земский начальник, уезд и местных крестьян знает, соображает не быстро, но работать может серьёзно, делом интересуется, особенно хуторским расселением; он был бы хорошим непременным членом, если бы не высказываемое им унылое сомнение в достижимости преследуемой комиссией цели. Из прочих членов комиссии лишь один земский начальник 7-го участка Володимеров будет, как полагает Зарин, ей действительно полезен. В числе выборных из крестьян выделяется Ефимов, который занимался, по имеющимся

сведениям, пропагандой среди своих односельчан, поверхностно кое-что усвоил, во время же заседания в присутствии командированных лиц держал себя хорошо и предлагал некоторые дельные вопросы. Прочие три крестьянина, входящие в состав комиссии, двое от крестьян и третий от земства, ничем не обращают на себя внимания. Кроме того, земским выборным состоит ныне помещик и был Зарин до назначения его на настоящую должность.

Холмская комиссия. Предводитель дворянства, отставной генерал-лейтенант Болтин, по старости вовсе не способен работать. Председатель уездной управы недавно избличён в организации революционной шайки при земской управе и оставляет должность. Непременный член фон Цур-Милен — бывший офицер Измайловского полка. Горячо сочувствуя задачам комиссии, послужив уже с успехом делу хуторского расселения в уезде в бытность земским начальником, полный огня, несокрушимой энергии, веры в дело, Цур-Милен — образцовый непременный член, если по горячности своей в работе не разбросается. Пользу комиссии принесут ещё один из выборных от земства — хороший хозяин, бывший земский начальник, также положивший почин образованию хуторов в своём участке, и податной инспектор. Четыре крестьянина — трое выборных от сельского населения и один от земства — разумны, понятливы, не кулаки. Третий выборный от земства — помещик, ничем не выделяющийся.

Великолукская комиссия. Предводитель дворянства Голенищев-Кутузов воспитывался и долго жил в Прибалтийском крае, он русский немец, по-русски говорит с акцентом, но у немцев научился аккуратности и систематичности в работе. Он неглуп, образован, строгий консерватор, председательствуемой им комиссии будет полезен, но душою дела не станет, тем более что с одинаковою добросовестностью относится решительно ко всем многочисленным предводительским обязанностям. Серьёзно в деле не проявит себя и председатель земской управы Мыльцев. Непременный член барон Рейнгольд Альфонсович Буксгевден — молодой человек, изучал сельскохозяйственную технику в Бонне, по-русски говорит хорошо, уезда не знает вовсе,

решительно ничем себя не успел проявить. Производит он впечатление юноши порядочного, старательного, делом интересующегося. Близость с непрменным членом соседней Холмской комиссии фон Цур-Миленом очень Буксгевдену будет полезна. В комиссии четыре крестьянина, из коих один — выборный от земства земский гласный. Последний — упитанный, благочестивый, довольный собою, в почётном кафтане, бывший церковный староста, которого Голенищев-Кутузов очень ценит и коим пользуется в земских собраниях в качестве застрельщика при схватках с «радикалами»; говорят, что крестьянин этот — хороший хозяин, с житейской точки зрения неглуп, но предводитель дворянства ошибочно видит в нём светоч ума и знания, долженствующий осветить путь комиссии. Прочие три крестьянина и два представителя от земства — тихий старичок, частный поверенный, и помещик — внимания на себя ничем не привлекли. Присутствовавшие в заседании трое земских начальников обещали командированным лицам оказывать сильную помощь новорождённой (1 ноября) комиссии.

Опочецкая комиссия. Председатель — известный граф Гейден — настолько увлечён политической борьбою и агитацией, что работать в комиссии может разве только урывками. Провозгласив в воззвании своей партии принципы борьбы против нынешнего правительства и принудительного отчуждения частновладельческих земель, граф счёл более для себя удобным на время пребывания командированных лиц в Опочке сказаться больным в Петербурге, да и вообще он вряд ли может вполне искренне проводить в комиссии все правительственные начинания в аграрном вопросе. Председатель земской управы Плен также болел, после же выздоровления его предполагалось отдать под суд. Непременный член умер в октябре, даже секретарь в комиссии не был назначен. При таких условиях комиссия в действительности временно прекратила своё существование. Тем не менее она по инициативе командированных лиц была созвана, главнейшее из лиц выборных её членов и земских начальников, при содействии исправника членом земской управы Тихомировым, на руках у коего ныне

вся земская работа в уезде. Тихомиров — из крестьян, достаточно образован, умён, деятелен, человек хорошего направления и ловкий настолько, что умеет ладить с деспотическим у себя в уезде графом Гейденом. Выборные от крестьян в комиссии сметливые, особенно бойким и могущим быть полезным делу выказал себя крестьянин Степанов, сторонник хуторского расселения. От земства избраны: рассудительный крестьянин, речистый помещик из земских деятелей, возбуждавший в заседании вопросы, и земский начальник Никитин. Вообще комиссия эта окажется работоспособною, если в неё будет назначен хороший непрменный член.

Островская комиссия. Исполняющий должность предводителя дворянства и председатель земской управы Беклешов, бывший земский начальник и непрменный член губернского присутствия, умён, способен, сочувствует задачам комиссии и один может поднять её деятельность на должную высоту, энергичен, очень властолюбив и умеет подчинить себе даже принадлежащих к «крайне левой», власть в уезде держит крепко. Хотя Беклешов с внешней стороны воспитан и корректен, но характер его очень тяжёлый, ибо он самолюбив, обидчив, всё переводит на личную почву, со всеми ссорится. На непрменного члена Гиршфельда Беклешов смотрит лишь как на исполнителя своих начинаний. Гиршфельд — отставной подполковник, георгиевский кавалер, крестьяне к нему относятся хорошо, уезд он знает отлично, как знает его и секретарь комиссии, но непрменный член он очень не бойкий, весьма умеренных способностей, не самостоятельный. Земские начальники уезда ничтожны, равно и податной инспектор. Выборные члены комиссии ничем не выделяются; хотя некоторые из них, говорят, «красные», все они, по-видимому, в руках у Беклешова»²¹.

Летом 1907 г. Кофод опубликовал брошюру «Хуторское расселение». Изданная тиражом 500 тыс. экз., она быстро распространилась по всей стране и вскоре стала библиографической редкостью. «Эта брошюра, — вспоминал Кофод, — особенно обогатила меня, чего я и не желал от неё, но она сделала моё имя известным всей стране, а это ... ценность большая,

чем деньги»²². В ней он в популярной, доступной форме изложил накопленный опыт хуторского расселения и практические советы для крестьян, изъявивших желание переселиться на хутора. Кофод исходил из того, что нужно вначале дать возможность крестьянам убедиться в том, что на хуторах живётся лучше: «К этому убеждению они только тогда придут, когда получат возможность своими глазами видеть, как ведётся хозяйство на хуторах. Слишком это новое, важное и трудное дело»²³. Автор брошюры предлагал организовать поездки в места, где крестьяне уже расселились на хутора. В следующем, 1908 г., Кофод продолжил инспекционные поездки по губерниям России, в том числе и по Псковской. На сей раз целью поездок было увидеть, как проводится внутринадельное землеустройство. Сравнивая состояние дел в Псковской губернии с Санкт-Петербургской, Кофод отметил более интенсивную работу в первой, где внутринадельное землеустройство прочно «привилось» во всех уездах, хотя и не во всех их частях. Далее приведём полностью заключение Кофода по уездам Псковской губернии.

«Наиболее широко распространилось оно в Холмском уезде, в котором оно началось самостоятельно ещё до открытия деятельности землеустроительных комиссий и где стремление крестьян к переходу на хутора замечается во всех волостях, — писал он. — За Холмским следует Торопецкий уезд, где, благодаря толковому отношению к делу неперменного члена Челищева, среди крестьян развилось сильное и здоровое движение к улучшению условий ведения хозяйства, которое, начавшись с трёх краёв уезда, в ближайшем будущем охватит его всецело. В Великолуцком, Опочецком и Островском уездах разверстания и отводы к одним местам производится единично, но довольно равномерно — взброс по большинству волостей. В Псковском уезде движение не выходит за пределы «Завеличья», где оно усиленным темпом распространяется в четырёх волостях, от Изборска до границы Лифляндии. В Порховском и Новоржевском уездах разверстания пока ещё производятся лишь в совершенно единичных случаях — там дел ещё в зародыше.

Как количественно, так и качественно внутринадельное разверстание сильно пострадало от того, что постановлением губернской землеустроительной комиссии от 5 апреля отчётного 1908 года неперменные члены уездных землеустроительных комиссий были отстранены от участия в работах по внутринадельному землеустройству и исполнение таких было поручено земским начальникам. Последние же, обременённые прямыми своими обязанностями и вдобавок сознавая свою некомпетентность по землеустройству, предоставляли полную свободу действия землемерам, тоже в большинстве несведущим в этом деле. В результате получилась ещё большая пестрота по внутринадельному землеустройству, чем в С.-Петербургской губернии. Имеются недурные разверстания, но ещё больше — неудовлетворительных. По всей губернии разверстано за истекший год 103 целых селения и произведены выделы из 52. Образовалось всего 923 хуторских хозяйства с общою площадью 10653 десятины. На будущий год имеются заявления о разверстании 179 селений и о выделах из 265; всего 1982 двора и 22028 десятин»²⁴.

По мнению Кофода, за прошедшее после 1907 г. время «внутринадельное устройство» сделало громадный шаг вперёд. Вместе с тем, он отмечал, что в коренной части России реформа землеустройства крестьян пока ещё «прививается» чрезвычайно трудно. Причин этому было много: бездействие, а порою и противодействие местных чиновников, существовавшие традиционные формы и условия землевладения и многие другие. Но главной причиной, по мнению Кофода, было противодействие со стороны крестьян. Наиболее сильное сопротивление реформе было со стороны и малоземельных крестьян, которые считали общину своим «надёжным причалом». Кроме того, для малоземельных крестьян расселение стоило немалых средств, а также после расселения им было труднее найти работу. А её они должны были иметь, поскольку их земельный надел был слишком мал, чтобы прокормить всю семью. Однако было немало случаев, когда малоземельные крестьяне не выступали активными сторонниками разверстания. На первых порах командированные в губернии правительством

лица не решались приглашать на заседания уездных комиссий посторонних крестьян, кроме членов комиссий. В 1906 г. председатель Великолукской комиссии по собственной инициативе допустил на заседание свыше 25 посторонних крестьян, «... с коими явились и несколько представителей «крайней левой», свившей себе в Великих Луках прочное гнездо. Успех этого заседания, где крестьяне отнеслись очень сочувственно, а «освободители» промолчали, оказался полным. Ближайшим последствием его, по словам управляющего Псковским отделением Крестьянского банка, было заявление крестьянами желания приобрести хуторские участки из купленного банком под Великими Луками имения Залежи, которое около года Банку ликвидировать не удавалось даже в малой части»²⁵. Противники аграрных преобразований встречались среди всех слоёв населения. Немалую роль играла и революционная пропаганда. Крестьяне ждали бесплатную раздачу земель. Против реформы были и сельские евреи, неземледельцы — не без основания. Объезд хуторов с товаром «... дело почти немислимое, а затем — с разверстанием упраздняется общая пастьба скота, и, следовательно, местечковые евреи лишаются возможности пускать своих коров в общее крестьянское стадо»²⁶. Противниками реформы были и многие священники, которые руководствовались личными интересами. Значительная часть их доходов за службу оплачивалась деньгами или натурой, что проще было собирать при компактном проживании крестьян, и другое дело объезжать каждый хутор. Оказалось, что против расселения выступала и полиция, по той же причине, что и духовенство.

Последним литературным трудом Кофода была работа «Русское землеустройство», опубликованная в 1913 г., в которой он представил анализ русской аграрной реформы в её историческом развитии, ход и результаты. За эту работу он получил не только гонорар, но и большую золотую медаль²⁷. В 1914 г. книга вышла вторым изданием и была в количестве 4000 экз. приобретена Министерством внутренних дел. Обобщающий вывод Кофод сделал в заключительной части этой работы: «Что же дало землеустройство

крестьянам. И что сулит оно в будущем? Пока оно дало им только малую долю того, что должно дать. Рано ещё судить о последствиях начатой только 5 лет тому назад реформы, в корне изменившей весь житейский и хозяйственный уклад жизни наименее развитой части населения ... Период перелома хозяйства всегда тяжёл и длителен для земледельца ...»²⁸.

В результате написания научных трудов и практической работы в проведении аграрной реформы Кофод стал играть одну из ключевых ролей в её осуществлении. Он без усталы ездил по губерниям, спорил с оппонентами и начальством, организовывал обучение землемеров, агитировал крестьян, устраивал им экскурсии в места удачных разверстаний на хутора, а его опубликованные работы стали практическими и методическими пособиями в проведении аграрной реформы Столыпина. О значении Кофода в землеустроительных делах свидетельствует прошение Министра земледелия А. В. Кривошеина на имя Императора о назначении его членом землеустроительного комитета:

«Состоящий ревизором при Департаменте государственных земельных имуществ, чиновник особых поручений V класса ГУЗиЗ надворный советник Кофод по заслугам своим в деле землеустройства занимает среди чинов Главного управления особое положение. Произведённые им исследования крестьянских хозяйств, собранные в изданной в 1905 году известной его книге «Крестьянские хутора на надельной земле», имели громадное и, в некоторых случаях, решающее значение при разработке вопроса о хуторском расселении и послужили исходною точкою при развитии дальнейших работ в землеустроительном деле.

Признавая желательным и в полной мере справедливым отметить оказанные Кофодом выдающиеся заслуги по землеустройству, а также, признавая весьма полезным иметь его постоянным сотрудником Комитета по землеустроительным делам, всеподданнейшим долгом почитаю испрашивать Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение на назначение надворного советника Кофода членом означенного Комитета с оставлением в занимаемой долж-

ности и сохранением получаемого содержания»²⁹. Членом Комитета Кофод был назначен 11 июня 1912 г.

За годы работы в России Кофоду довелось познакомиться со многими известными людьми России, в том числе представителями правящей элиты, и даже иметь возможность встречи с Императором. О многих Кофод оставил свои характеристики и наблюдения. Вот какую оценку, например, он давал правящей бюрократии: «... чем ближе они стояли к трону, чем выше они могли подняться по бюрократической лестнице, тем больше чувствовали они себя сверхлюдьми. И чем более просвещённым был народ, тем более он ненавидел и презирал правительственную клику и её пособников в провинции»³⁰. В 1911 г. Кофод единственный раз общался с Императором: в числе других высших чиновников из Министерства внутренних дел, юстиции и земледелия, имевших отношение к землеустройству, он был приглашён на завтрак во дворец в Царском Селе. «Перед началом завтрака нас расставили в огромном зале кругом, — вспоминал Кофод. — Войдя, Император пошёл по внутренней стороне этого круга, сопровождаемый тремя министрами данных министерств, которые представляли своих подчинённых Его Величеству. Каждого называли по имени, должности и чину. Мне было интересно наблюдать, как этот застенчивый, хрупкий человек с ярко выраженным комплексом неполноценности мог сказать что-то подходящее каждому в группе. Его, вероятно, обучали этому, думал я.

Вот подошли и ко мне высокие господа. Тут был черёд Кривошеина, т. е. министра земледелия, представлять, но вмешался Столыпин, сказав, не вдаваясь в подробности:

— А это — Кофод.

Значит, Император и он говорили обо мне. Я ждал и надеялся, что Его Величество поставит мне тот или другой вопрос относительно дела, которым я занимался, но он этого не сделал»³¹. Императора интересовало, является ли Кофод родственником датского адмирала Кофода.

Высшими начальниками Кофода в Министерстве земледелия были министры. В течение его служебной деятельности их сменилось (с 1906 по 1917 гг) семь. Каждый из них,

если взять средние данные, работал министром год или полтора. Первым министром земледелия в правительстве Столыпина был князь Борис Александрович Васильчиков, бывший псковский губернатор, назначенный на эту должность в 1906 г., а последним А. А. Риттих. Особое место среди высших руководителей Кофода занимал П. А. Столыпин. По его мнению, Столыпин «был великаном среди лилипутов»³². Отношение Столыпина к Кофоду было, по его мнению, внимательным и уважительным. Кофод вспоминал: «... я довольно часто чувствовал его руку в делах, касающихся меня, и всегда при этом я замечал, что он питает доверие к моему мнению. Мне многие передавали не раз, что он, беседуя с общими знакомыми, любил имитировать мой голос и произношение ... Делалось это, как мне рассказывали, в добродушном тоне, но, вне всякого сомнения, эта шутка была вызвана мыслью, что я ведь, к сожалению, не русский. Вообще говоря, он был очень националистически настроен»³³. «Были ли я популярен? — задаёт себе вопрос Кофод. — Может быть в некоторых кругах, но не в самых многочисленных и тем более не в самых влиятельных. Во всяком случае, меня чаще ругали, чем хвалили»³⁴. От себя заметим, что Кофод с присущей ему скромностью даёт самому себе заниженную оценку.

В 1917 г. землеустроительная деятельность Кофода прекратилась, но оценка его роли в проведении аграрной реформы Столыпина продолжалась и в последующие годы.

В 1919 г. он покинул Россию, которой посвятил дело всей своей сознательной жизни, но как оказалось, не навсегда. В 1921 г. Кофод был назначен консультантом по сельскому хозяйству в Прибалтику и Россию. Своё неудовольствие по поводу этого назначения выразил представителю датского правительства в 1923 г. нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, поскольку Кофод не получил разрешения на въезд в революционную Россию, как игравший заметную роль в «реакционном правительстве Столыпина». Только весной 1924 г. Кофод смог вернуться в Москву в должности атташе посольства Дании по вопросам земледелия. В 1930 г. по настоянию Москвы он был правительством Дании отозван³⁵. Однажды, в период пребывания

Кофода в Москве один из знавших его старых большевиков сказал ему: «Вот если Вам, Андрей Андреевич, удалось бы продолжить свою работу ещё лет на 8–10, то наше дело не вышло бы, никакой революции не было бы, я и не понимаю, как это Вас обратно сюда пустили»³⁶.

Советские и российские историки в своих трудах часто отводили Кофоду почётное место вне зависимости от оценки его роли как с положительной, так и с отрицательной точки зрения. Один из исследователей столыпинской реформы, советский историк С. М. Сидельников, касаясь содержания Указа от 9 ноября 1906 г. о раскрепощении общины и его применении на практике, отмечал, что эти вопросы уже освещались в исторической литературе, но недостаточно полно и верно. «В официальной историографии эту сторону земельной реформы полнее исследовал А. А. Кофод, но ряд выводов этого апологета «столыпинского» землеустройства не отражают действительного положения вещей», — писал С. М. Сидельников³⁷. В другом месте книги автор ещё раз упомянул имя Кофода: «Для форсирования размежевания надельных земель использовались землемеры переселенческого управления. Из центра посылались специалисты по землеустройству. Так, ряд губернских совещаний провёл А. А. Кофод — ярый сторонник хуторизации

деревни»³⁸. Фамилия Кофода упоминается и в учебнике по истории России для вузов, авторы которого отмечают, что создание хуторских хозяйств было целью не только Столыпина, «это было характерно и для разработчика землеустроительной части реформы, датчанина А. А. Кофода. Приехав в Россию в 22-летнем возрасте и совершенно не зная русского языка, он долго жил в датской колонии в Псковской губернии»³⁹.

В заключение необходимо отметить следующее. Мы не ставили цели давать оценку землеустроительной деятельности Кофода, как и столыпинской аграрной реформы. Цель была другая: познакомить читателя с личностью А. А. Кофода, личностью неизвестной или малоизвестной в псковском краеведении, — главным образом потому, что его деятельность была связана с Псковской губернией, с которой началось его знакомство с Россией, где он создал свою семью, где увидел первые опыты самостоятельного разверстания надельных земель. В последующие годы, имея специально задание центральной власти, он обстоятельно изучал ход земельной реформы в губернии и опубликовал в своих работах наблюдения, оценки и выводы. Материалы, которые мы постарались представить читателю, представляют определённый интерес для исследователей и краеведов.

Примечания:

¹ Роль государственного советника К. А. Кофода в столыпинских аграрных реформах. С. П. Енсен и Ларс П. Паульсен-Хансен // Дания и Россия — 500 лет. М., 1996, С. 264.

² Андрей Кофод. 50 лет в России. 1878–1920. СПб.: «Лики России», 2009, С. 23.

³ Памятная книжка Псковской губернии на 1888 год. Псков, 1888, С. 39.

⁴ Андрей Кофод. 50 лет в России. С. 178.

⁵ Роль государственного советника К. А. Кофода в столыпинских аграрных реформах. С. 281.

⁶ Андрей Кофод. 50 лет в России. С. 447–448.

Из послужного списка А. А. Кофода:

25.07.1889 — Определён младшим оценщиком в Дворянский земельный банк.

28.03.1890 — Назначен членом-оценщиком Самарского отделения Банка.

29.04.1892 — Всемилостивейше пожалованы права действительной государственной службы с причислением к третьему разряду без чина.

13.09.1900 — Государь Император ... всемилостивейшее повелеть соизволил полученное Кофодом в Королевской датской ветеринарной и сельскохозяйственной академии образование приравнять к окончанию курса в российском среднем учебном заведении, в видах предоставления ... начальству возможности войти в установленном порядке с представлением о производстве его в чин.

30.04.1904 — Произведён из губернских секретарей в чин коллежского секретаря (со старшинством с 13.10.1903).

08.11.1905 — Начал службу в Главном управлении землеустройства и земледелия исправляющим

- должность чиновника особых поручений V класса при главноуправляющем (утверждён в этой должности 26.11.1907); чин — коллежский секретарь (X класс табели о рангах).
24.04.1907 — Произведён в чин титулярного советника (со старшинством с 13.10.1904).
1907 — Производится в коллежские асессоры (со старшинством с 13.10.1906).
27.02.1908 — Назначен заведующим инструкторской частью Комитета по землеустроительным делам.
09.01.1911 — Произведён в чин надворного советника (со старшинством с 13.10.1910).
11.06.1912 — Назначен членом Комитета по землеустроительным делам.
30.06.1914 — Произведён в чин статского советника (V класс табели о рангах), соответствующий фактически занимаемой с 1905 должности чиновника особых поручений (со старшинством с 13.10.1912).
- ⁷ Там же. С. 59.
 - ⁸ Там же. С. 178.
 - ⁹ Там же. С. 206.
 - ¹⁰ Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 179–180.
 - ¹¹ Столыпинская аграрная реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы, переписка, мемуары. М., 2003. С. 620.
 - ¹² Там же. С. 713.
 - ¹³ ГАПО. ф. 32. оп. 1 (предисловие к описи). л. 2.
 - ¹⁴ Андрей Кофод. 50 лет в России. С. 236–237.
 - ¹⁵ Там же. С. 443.
 - ¹⁶ Там же. С. 238.
 - ¹⁷ Столыпинская аграрная реформа и землеустроитель А. А. Кофод. С. 185–186.
 - ¹⁸ Там же. С. 188.
 - ¹⁹ Там же. С. 189.
 - ²⁰ Там же. С. 192.
 - ²¹ Там же. С. 199–202.
 - ²² Там же. С. 646.
 - ²³ Кофод А. А. Хуторское расселение. СПб., 1907, с. 18.
 - ²⁴ Столыпинская аграрная реформа и землеустроитель А. А. Кофод. С. 260–261.
 - ²⁵ Там же. С. 197.
 - ²⁶ Там же. С. 285.
 - ²⁷ Там же. С. 647.
 - ²⁸ Русское землеустройство. СПб., 1913. С. 120.
 - ²⁹ Андрей Кофод. 50 лет в России. С. 441.
 - ³⁰ Там же. С. 310.
 - ³¹ Столыпинская аграрная реформа и землеустроитель А. А. Кофод. С. 649.
 - ³² Там же. С. 622.
 - ³³ Там же. С. 651.
 - ³⁴ Там же. С. 648.
 - ³⁵ Роль государственного советника К. А. Кофода в столыпинских аграрных реформах. С. П. Енсен и Ларс П. Паульсен-Хансен // Дания и Россия — 500 лет. С. 283.
 - ³⁶ Там же. С. 284.
 - ³⁷ Сидельников С. М. С. 12.
 - ³⁸ Там же. С. 258.
 - ³⁹ История России. XX — начало XXI века. М., 2006, С. 149.